

«Какое-то у меня неудовлетворенное чувство. Многие хвалят, говорят, что я единственный живой человек на сцене. Но многие и ругают, говорят, что Таня Пельтцер есть опять Таня Пельтцер...»

100 лет
Татьяне Пельтцер

“я — счастливая старуха”

100 лет Татьяне Пельтцер

|| СЕРГЕЙ КАПКОВ

В каждой труппе есть пожилые актрисы, даже легенды, но обращение «старуха» заслужила только одна. По отношению к Татьяне Пельтцер это слово не было обидным — наоборот, уважительным и где-то даже домашним.

Татьяна Пельтцер не имела диплома о профессиональном образовании и очень этим гордилась. Она была ученицей своего отца, знаменитого актера и режиссера Ивана Романовича Пельтцера, одного из первых заслуженных артистов Республики. Ее университетскими стали антрепренеры России и Украины, первые советские агитбригады, запятанные дороги Гражданской войны. Когда Татьяну выгоняли из очередного театра за профнепригодность, она садилась за пишущую машинку на автомобильном заводе, где главным конструктором работал ее младший брат Александр. Но начальник отдела ворчливо советовал ей вернуться на сцену.

В конце 1920-х годов судьба забросила Татьяну Пельтцер в Берлин. Она стала женой немецкого философа Ганса Тейблера. Вступив в коммунистическую партию Германии, фрау Тейблер устроилась на должность машинистки в советском торговом представительстве, а вскоре вышла на сцену в одной из постановок известного режиссера Эрвина Пискатора.

Как-то в ресторане она увидела Гитлера, стала свидетельницей его хвального ораторского искусства. Позднее актриса вспоминала, что Гитлер не произвел на нее впечатления ни как политик, ни тем более как мужчина.

Но при всем благополучии заграничной жизни, при всей любви к мужу и даже несомненно на собственноручные немецкие корни, не смогла Татьяна долго оставаться вне родины. Прожив с Гансом в общей сложности четыре года, она уговорила его расстаться. И вновь поиск себя, своего театра. В одном из писем актрисы отцу можно прочесть: «Дорогой мой папаша! Расскажу тебе про спектакль. На премьеру он принимался хорошо, вчера хуже. Мне, в общем, он нравится... 18-го общественного просмотра. Он покажет много. Насчет меня. Какое-то у меня неудовлетворенное чувство. Многие хвалят, говорят, что я единственный живой человек на сцене. Но многие и ругают, говорят, что Таня Пельтцер есть опять Таня Пельтцер...»

Иван Романович оставался главным учителем и критиком дочери всегда: «Сегодня слышал по радио передачу пьесы «Остров мира». У тебя там немного. Играли — кто в лес, кто по дрова. Потуги на каких-то им самим неизвестных иностранцев. Скучно и непонятно. Человеческих мыслей или чувств — никаких. Из всех действующих лиц выгодно выделяются несколько человек, говорящих понятные слова, в том числе и ты...»

В начале войны родословная чуть не стоила отцу и дочери карьеры, а может, даже и жизни. На места было спущено распоряжение: высылать всех лиц немецкой национальности и высылать кого в Сибирь, кого вообще из страны. В отделе кадров Театра Мини-атор, где Татьяна Ивановна в то время служила, предупредили: «Высылать собираются всех, независимо от заслуг». Это означало, что семидесятилетнему лауреату Сталинской премии Ивану Пельтцеру и его дочери тоже не на что рассчитывать. Спасать Пельтцеров в Моссовет отправилась целая делегация: Борис Андреев, Петр Алейников, Рина Зелена, Мария Миронова — перед таким «созвездием» чиновники не устояли, отцу и дочери были выданы «охранные грамоты».

Слава пришла к Татьяне Пельтцер почти в пятьдесят. Звездной ролью стала тунейка Лукерья Похлебкина в экранизированном спектакле Театра Сатиры «Свадьба с приданым». В пьесе действовали

молодые коммунисты и комсомольцы, велась борьба за урожай, а зрители почему-то полюбили картежницу и самогонщицу с ее куплетами:

«Хороша я, хороша!

Да плохо одета.

Никто замуж не берет

Девушку за это!..»

Еще через пару лет Татьяна Ивановна сыграла Евдокию в комедии «Солдат Иван Бровкин» и тут же получила неофициальный титул «мать русского солдата». Ее узнаваемость стала повсеместной. Георгий Менглет рассказал мне как-то такой эпизод. Труппа Театра Сатиры отправилась в Германию обслуживать советские войска. На первом же КПП какой-то строгий майор начал придираться ко всяким мелочам. «Товарищ майор, мы же артистов везем!» Офицер обошел машину, заглянул в кузов и первое, что увидел, — лицо Татьяны Пельтцер. Он мгновенно расплылся в улыбке: «Ой, кого я вижу! Товарищ Пизнер!» С этой минуты Татьяна Ивановна поняла, что стала популярна.

В кино Татьяна Пельтцер снималась постоянно, но поистине великих фильмов в ее биографии было немного, да и режиссеры не самые выдающиеся. Кроме Ильи Фразы и Надежды Кошеверовой редки кто снимал ее больше двух раз.

Фраз наиболее полно использовал уникальный дар Татьяны Пельтцер. Он провел любимую актрису по всем основным киножанрам, от эксцентрики («Приключения желтого чемоданчика») до любовной мелодрамы («Личное дело судьи Ивановой»). Он же не побоялся выставить Пельтцер в совершенно ином свете и фактически ее руками чуть не убил героя ленты «Вам и не снилось» — набата молодости начала 1980-х. На экране появлялась волевая бабка с сигаретой, которая цинично рассуждала о проблемах воспитания подростков и яростно выламывала двери. Актрисе простили и этот проступок ее героини, и отход от основного амплуа — комической старухи. Фильмы Ильи Фразы получили немало призов, но мировое признание режиссеру помогла завоевать именно Татьяна Пельтцер. Ее отчаянная бабуля из «Желтого чемоданчика» принесла режиссеру «Венецианского льва». По-видимому, выдавшие виды киносудьи были слегка ошарашены главной героиней: кто еще из актрис мог бы в семьдесят лет танцевать на крыше дома, прыгать с забора, ездить на крыше троллейбуса?

Татьяна Ивановна могла быть ворчливой, разгневанной, несносной в своих бесконечных придирках, могла довести до белого каления кого угодно (в первую очередь режиссеров), но ей прощалось все. Уж режиссеры-то знали, что эта актриса способна вытянуть любую роль до шедевра.

Последние годы в Театре Сатиры были для Пельтцер особенно удачны и даже победы. Она сыграла Пасквюню в «Старой девице», Маддам Ксидиас в «Интервенции», Марселину в «Безумном дне, или Женитьбе Фигаро». Мамашу Кураж, Фрекен Бок... Наконец, тетя Тони в фееричной постановке Марка Захарова и Александра Ширвиндта «Проснись и пой!» Вспомните ее стремительные проходы по сцене, залеты по лестницам, заразительный темперамент, танцы, песни (благо спектакль снят на пленку). Кульминацией роли и триумфом актрисы становился монолог о четырех пенсиях, которые она получает от четырех мужей из разных стран. «Есть еще на свете настоящая любовь», — говорит по этому поводу тетя Тони. Зрителям казалось, что она была в жизни такой же, как и на сцене — актриса Татьяна Пельтцер, — своя, близкая, понятная, что все давалось ей легко и просто. Но это шло от мастерства. Творческая же индивидуальность Пельтцер была сложной и противоречивой. Когда ее партнер менял мизансцену, пропуская реплики, словом, отступал от установленного рисунка, Татьяна Ивановна выбивалась из привычного состояния, не могла произнести ни слова. У нее делались, по словам коллег, «несчастные собачьи глаза». Но репетиции Пельтцер ненавидела. Начиная их с недоверия, брюзжания, якобы непонимания: «Зачем? Куда? Я не понимаю! Я старая! Отпустите меня!» Доведя до ужаса всех и себя, разобрав пьесу по косточкам, она говорила: «Ну, ладно!» и замечательно играла.

Татьяна Пельтцер ушла из Театра Сатиры в 1977 году. Ушла со скандалом, расстроившись на репетиции спектакля «Горе от ума» с главгероем Валентином Плутчем. Актриса и так давно точила на него зуб. Плутч не поставил с ней практически ни одного спектакля. Все лучшее, что сыграла Пельтцер на этой сцене, поставили другие режиссеры, в частности Марк Захаров. К нему-то в «Ленком» она и сбежала. Может, именно этим отчаянным поступком она и продлила свой творческий век.

Она умела дружить и ценить дружбу. С радостью бежала на встречу с Фаиной Раневской, с Валентиной Токарской могла ночи напролет играть в преферанс. Долгие годы продолжались теплые отношения и с Гансом Тейблером, ее мужем. Он стал профессором, доктором философских наук, работал в Институте Маркса — Энгельса. Его сын, когда приезжал учиться в Москву, часто гостил, а то и останавливался у Татьяны Ивановны. Новая жена Ганса почему-то страшно ревновала к ней мужа — устраивала скандалы, запрещала переписываться, но бывшие супруги оставались привязанными друг к другу всю жизнь.

Ее последняя роль — Мать в «Поминальной молитве». Татьяну Пельтцер уже выводили просто так, почти без слов, как памятник самой себе, лишь бы зрители лицезрели свою любимую актрису. Ей и не надо было ничего говорить — мы видели ее глаза, ее движения и понимали все, что она хотела сказать. Общение с великим искусством продолжалось...

«Я — счастливая старуха», — нередко говорила Татьяна Пельтцер. Счастливыми были все, кто с ней работал, кто ее видел. Аллодисменты раздавались в зале, едва из-за кулис слышался голос актрисы. Когда я в глубоком детстве столкнулся с Пельтцер у входа в «Ленком», то от радости потерял голос. Здесь можно говорить об ауре, флюидах, обаянии — о чем угодно, но в отношении этого человека даже слово «индивидуальность» становится безликим. Не хочется в который раз вспоминать избитые фразы о незаменности, но бесспорным остается одно: место Татьяны Пельтцер в кино и театре по-прежнему вакантно.

“женщин из публики увозили в истерике”

воспоминания Татьяны Пельтцер

Спектакль «Проснись и пой!», Тетя Тони (Театр Сатиры), 1974 г.

401 СТ
В следующем сезоне в Киеве, тоже у Синельникова, шло «Дворянское гнездо». Марфинька — Шатрова, Лиза — Полевичкая, Лавреций — Радин. Я, актерское дитя, играла Леночку, получала за спектакль три рубля. И даже была рецензия! Спектакль имел большой успех, прошел сто раз — небывалое количество для тех времен. Николай Николаевич вызвал всех после спектакля, угощал артистов шампанским, а мне преподнес бонбоньерку с конфетами. Вместо благодарности я сказала: «Ладно пахнет!» Это от смущения. Я была скромная девочка.

В сезоне 1914—15 года в Харькове я уже много играла. Шла сказка про Волка на утренниках. Нужен был мальчик. Николай Николаевич сказал папаше: «Вы приведите вашего Шуру, младшего». Брат пришел и всю репетицию хохотал. Тогда Синельников решил: «Пусть Таня придет».

А уже на следующий сезон я играла Серезу Каренина. Саму Каренину играла артистка Юренева. Мама рассказывала, что в сцене ее приходило к Серее в день его рождения женщин из публики увозили в истерике — так она играла:

Кутик мой, кутик!
— Мамочка, не уходи!
Певцов играл Каренина, Блюменталь-Тамарин — Вронского. Роскошный был спектакль!

Ну что еще играла? В прелестной пьесе Габриэль Запольской «Их четверо», вместе с братом Шурой играли в «Норе». Впечатления сохранились детские. Самые сильные: тогда впервые была сделана крутящая

ся сцена, в Театре Франко. Я не уходила до конца спектакля, так как перед концом должен был повернуться круг. «Прокручуся на нем — и уйду тогда...»

На сезон 1915—16 года папаша стал держать театр миниатюр в Харькове. Были в труппе молодой Утесов, Смирнов-Сокольский. Дела шли не блестяще. Для подпития сборов папаша поставил «Белоснежку» и «Красную Шапочку». В этих спектаклях я играла и уже училась в 1-м классе гимназии.

Весной поехали в Москву. Жили на Тверской. Летом папаша держал театр миниатюр. Зимой меня хотели отдать в Елизаветинский институт в Лефортове, но попала в гимназию Ржевской. Здесь мне было плохо — девочки смеялись надо мной. Тогда меня отдали в частную гимназию на улице Станкевича. Тут я была посмелее. Однажды, возвращаясь из гимназии, мы увидели толпу у дома генерал-губернатора Москвы (теперь это Моссовет). Февральская революция. Отречение царя. Меня отдали в классическую гимназию Фишера на Остоженке, с пансионом. С 3-го класса — греческий, латинский. Помню, когда меня ввели сюда в первый раз, было это ночью. Не могли пройти — на улицах перестрелка, кадеты. С Рождества начальница гимназии велела принести мешок риса и фунт масла.

Началась голодуха. В 1918—1919 годах папаша был у Корша, преподавал в одиннадцатом классе, получал красноармейские пайки. Мы с Шушкой не голодали, играли в различных клубах. На этом мое учение закончилось раз и навсегда...

Кадр из фильма «У матросов нет вопросов», 1980 г.

Спектакль «Интервенция», Маддам Ксидиас (Театр Сатиры), 1968 г.

С Фаиной Раневской в сквере у Театра Моссовета, конец 70-х годов

Кадр из фильма «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил», Баба Варвара, 1976 г.

“всех нас она знала и помнила”

из истории семьи Пельтцер

История фамилии Пельтцер весьма увлекательна. Корни родословное древо семьи можно обнаружить в XIV веке. Среди многочисленных предков Татьяны Ивановны — такие известные личности, как английский писатель Вальтер Скотт и светская красавица Варвара Беккер, подруга Наталии Гончаровой. Об этом Сергее Капкову не без гордости сообщила внучатая племянница Пельтцер, представительница одной из ветвей этого древа Ася Степанова.

Когда Пельтцеры обосновались в России?

Примерно в XVIII веке. В одном из старинных документов есть такая запись: «Из Голландии в Москву прибыли братья Фридрих и Георгий Пельтцеры, владельцы многочисленных мануфактур». У Георгия здесь родились сыновья Сигизмунд и Роберт. Чем они занимались, сегодня установить достаточно сложно, но сохранился документ, где сказано, что Семен и Роман Пельтцеры занесены в книгу почетных граждан России.

Как я понимаю, и вы, и Татьяна Ивановна — потомки Романа Пельтцера, ведь отца актрисы звали Иваном Романовичем...

Да, вы правы. У Романа родилось одиннадцать детей. Двое из них — Иван и Георгий — были особенно дружны. Иван стал знаменитым российским актером, а Георгий — мой прадедущка — военным инженером, построившим множество мостов по всей стране. В 1930-е годы он как быв-

ший белый офицер был репрессирован, одна из его дочерей от греха подальше уничтожила родословное древо Пельтцеров. К счастью, Георгий Романович пробыл в тюрьме недолго, и теперь мы — его потомки — пытаемся восстановить родословную. В Германии, кстати, есть книга «История и генеалогия рода Пельтцер», которая раз в несколько лет переиздается. В России был один экземпляр этой книги — ее-то и уничтожила сестра моей бабушки. Теперь у нас в семье хранится копия.

Ваш род дворянский?

Да, я узнала об этом совсем недавно. Пельтцер — древний род, который по какой-то драматической случайности потерял свое дворянство, и в 1893 году оно было восстановлено. У нас есть копия грамоты, где об этом сообщается.

Как вы сказали, Иван Романович и Георгий Романович были друзьями. А их дети? Георгий Пельтцер стал отцом пятерых детей, Иван Пельтцер — двоих, Татьяна и Александра. Несмотря на то что Иван Романович, а затем и его дочь увлекались актерством, в семье Георгия Романовича эту профессию не одобряли и даже осуждали. В театр подался только его сын Константин. Вот, пожалуй, и все, больше актеров в нашем роду не появлялось. Две ветви одной семьи дружили, общались, но полное взаимопонимание было только между Татьяной Ивановной и Константином Георгиевичем. Они постоянно уединялись, обсуждали творческие идеи, спорили.

А вы не встречались с Татьяной Ивановной?
Всего лишь раз, в театре. В нашей семье всегда с удовольствием смотрели фильмы

с ее участием, но я далеко не сразу узнала, что Татьяна Пельтцер — моя родственница. Как-то эта тема не обсуждалась. Мои бабушки — двоюродные сестры Татьяны Ивановны — бывали у нее в гостях, приглашали к себе. Когда она заболела и оказалась в больнице, навещали ее, и если в этот момент Татьяна Ивановна была в памяти, то спрашивала, как дела у детей, внуков. Так что всех нас она знала и помнила.

С папой Иваном Романовичем, 1909 г.

